

Ночной ветер в лесу был ледяным, пронизывая холодом всю округу. А-Нин достал из поклажи одеяло и расстелил его под деревом у костра. Он хотел, чтобы его молодой господин поскорее отдохнул, но группа раненых напротив была слишком шумной — они просыпались, стонали и кричали во весь голос, словно корзина с перевернувшимися цикадами и призраками.

Гао Линь подошёл к Лян Шу, сложив руки, и прошептал, едва переводя дыхание:

— Ваша светлость, остановитесь, этого достаточно.

Что за привычка — постоянно пялиться на второго молодого господина Лю? Будь на его месте незамужняя девушка, её репутация и добродетель уже давно были бы сведены на нет таким взглядом.

Тем временем А-Нин тоже заметил, что принц смотрит в их сторону, и тихо сказал Лю Сяньаню:

— Молодой господин, кажется, у принца есть что сказать вам.

Лю Сяньань стёр крошки от закуски с пальцев и взглянул в сторону Лян Шу.

Но к тому моменту тот уже отвел взгляд и разговаривал с Гао Линем.

Огонь костра и свет луны озаряли его фигуру. Черты лица были резкими, нос — высоким и прямым, а подол одежды развевался, словно мерцающее озеро, рассыпавшееся на золотые блики. Его томное выражение лица и благородная осанка никак не вязались с образом кровожадного безумца, о котором ходили слухи.

Но в слухах всегда есть доля правды и вымысла. Подумав об этом, Лю Сяньань закутался в одеяло и снова присел под дерево, закрыв глаза, чтобы продолжить свои странствия в мыслях. Ему было всё равно, шумел мир вокруг или нет. Даже если бы здесь действительно завелся вопящий призрак, он бы услышал лишь шелест ветра, пронизывающего лес.

— А-а-а! — Неожиданный вопль раздался из ниоткуда, вспугнув стаю птиц, но не смог вырвать второго молодого господина Лю из его трёх тысяч путей.

А-Нин всё равно не мог уснуть, поэтому сел рядом с Лю Сяньанем и вытянул шею, наблюдая за происходящим. Наемника с перебитой ногой солдаты подтащили к Лян Шу, и тот, волоча раненую конечность по грязи, оставлял за собой кровавый след. Зрелище было жалким.

Возможно, он и вправду был напуган до смерти, потому что, поддавшись боли, выпалил всё без лишних вопросов.

Главного охранника секты «Ваньли» звался Чан Ваньли. Хотя он и не был знаменитостью в мире Цзянху, его бизнес процветал. Три года назад его первая жена умерла от болезни, и вскоре он женился снова. Новую жену звали Хэ Жао, и, хоть внешне она была очаровательна, нрав имела совершенно противоположный.

Чан Сяоцю не любил мачеху. Ему было всего двенадцать-тринадцать лет, и из-за юного возраста он часто грубил ей. Отношения между ними всегда были натянутыми. Что касается Чан Сяохана, то он был второй по значимости фигурой в секте после Чан Ваньли и все эти годы тайно защищал молодого господина.

Гао Линь спросил:

— Значит, новая жена приказала вам воспользоваться случаем и разделаться с Чан Сяоханом и Чан Сяоцю во время этого выезда?

— Да, — ответил наемник. — Сначала она дала нам одну жемчужину, а потом пообещала целую шкатулку после завершения дела.

С этими словами он достал её из рукава.

— Вот она.

Не золото, не серебро — жемчуг. Лян Шу бросил взгляд:

— Из какой она семьи?

— Ни из какой. Она была беженкой с юга, спасавшейся от катастрофы. Когда она впервые появилась в городе, от неё воняло, и она была вся в грязи, но почему-то глава секты её заметил.

Гао Линь присел перед охранником, взял жемчужину и медленно рассмотрел её в свете костра:

— Наёмники обычно работают с золотом и серебром. Даже если новая госпожа хотела подправить счета и припрятать денег, она должна была взять именно их. Десять жемчужин такого размера с Восточного моря трудно накопить, не то что целую шкатулку. Если она так старалась их сохранить, зачем отдавать их в качестве взятки... Или вы не берёте серебро?

— Берём, конечно берём! Мы хотели обменять их, даже если потери составят один-два процента. Потому что хоть жемчуг и ценен, продать его нелегко. Но госпожа сказала, что это всё, что у неё есть.

А-Нин, слушая это, цокнул языком и прошептал Лю Сяньаню:

— Молодой господин, наша старая госпожа хотела пару жемчужин для серёжек, но хозяин поместья так и не смог найти подходящих. А у них тут целая шкатулка — видно, охранный бизнес действительно приносит большие связи.

— Это не имеет отношения к секте, — зевнул Лю Сяньань, всё ещё закутанный в одеяло. — Жемчуг, скорее всего, принадлежал ей ещё до замужества.

— Почему? — А-Нин наклонился к нему и понизил голос. — Молодой господин только что спал и не слышал вопроса принца. Та Хэ Жао — безродная беженка.

— Оставим в стороне, настоящая она беженка или нет. Даже если это правда, она смогла спрятать свои ценности перед бегством. После замужества, сколько бы ни процветал бизнес «Ваньли», накопить на шкатулку жемчуга за три года невозможно. Во-первых, деньги трудно вывести, во-вторых, это не осталось бы незамеченным. Если она хотела избавиться от людей чисто, зачем использовать жемчуг, который может её выдать?

Следовательно, единственное разумное объяснение — жемчуг не был получен ею после замужества. Так, даже если заговор раскроется, её не смогут обвинить. Наоборот, это могло бы даже отвести от неё подозрения — ведь только дурак обменяет жемчуг, стоящий десятки тысяч золотых, на тысячу серебром.

А-Нин понял и спросил:

— Тогда сказать об этом генералу Гао?

— Не нужно. Если мы это видим, принц и генерал Гао тоже это видят. Если хочешь помочь, отнеси ему лекарство, чтобы остановить кровь и унять боль, иначе наемник не выдержит и пары слов.

Разговор господина и слуги под деревом донёсся до Лян Шу с ветром. Вскоре А-Нин принёс лекарство, и Гао Линь кивнул ему:

— Благодарю.

А-Нин увидел, что наемник весь в ранах, и, понимая, что обработать все сразу не получится, быстро перевязал два самых серьёзных повреждения и дал ему обезболивающее. Все действия были чёткими и уверенными. Даже когда кровь брызнула ему на лицо, он не моргнул глазом, что заставило генерала Гао ещё раз пересмотреть своё мнение о Деревне Белого Лотоса [Байхэ].

Но внимание Лян Шу было направлено не туда.

Гао Линь подумал, что если бы принц так смотрел на девушку, это ещё можно было бы списать

на восхищение. Но сейчас он уставился на второго молодого господина Лю, и, как ни крути, это выглядело как провокация. Шпионы двора стояли в пяти шагах — нельзя ли сосредоточиться на деле и поменьше вытворять подобное?

Но его светлость явно не собирался вести себя прилично. Он лишь равнодушно бросил:

— Выясни всё, что нужно, — и направился к Лю Сяньаню, подобрал полы одежды и сев рядом.

Гао Линь: «...»

— Генерал Гао! - занервничал А-Нин.

— Всё в порядке. - тяжело вздохнул тот - Наверное, его светлость хочет обсудить медицинские вопросы по детоксикации.

Если подумать, за полдня пути господин и слуга из Деревни Белого Лотоса только помогали, а принц всё это время лгал и создавал проблемы. Сердце генерала Гао сжалось — как же люди могут быть такими разными?

Костер трещал, пламя плясало.

Лю Сяньань по-прежнему отдыхал с закрытыми глазами.

Лян Шу бросил камень в огонь.

С шипением пламя взметнулось вверх, и искры полетели к дереву. Лю Сяньань вздрогнул, почувствовав жар на лице, и наконец открыл глаза. В прошлый раз в карете он увидел Лян Шу в конце дикого, прекрасного сна, а теперь его светлость возник среди языков пламени. Оба раза это было одновременно реальным и иллюзорным, тревожным и пугающим. В переплетении света и тьмы он растерялся и на мгновение забыл, где находится.

Он успокоил сердце и посмотрел вокруг. Гао Линь всё ещё допрашивал охранника — очевидно, дело ещё не было закончено.

— Скажи, — Лян Шу вертел жемчужину в пальцах. — Почему новая жена настаивала именно на такой награде?

Лю Сяньань не ожидал, что принц обратится к нему с этим вопросом. Он собрался с мыслями и ответил:

— Возможно, денег, которые она скопила за три года, не хватило бы на подкуп, а может, она и

не собиралась отдавать жемчуг. Я мало знаю о секте «Ваньли», но, исходя из логики, если Чан Сяоцю ещё не угрожал положению Хэ Жао, ей не нужно было торопиться, не имея достаточных средств.

— Значит, ты считаешь, что это второй вариант. Она не хотела отдавать жемчуг, а просто использовала одну жемчужину как приманку?

— При условии, что бандиты с горы Фуху давно с ней в сговоре. Думаю, идеальный исход для Хэ Жао — это если бы бандиты уничтожили весь отряд, тогда она вернула бы жемчуг, избавилась от проблем и навсегда сохранила тайну. А наём охранников был нужен лишь для того, чтобы отравить Чан Сяохана в пути и убрать единственного, кто мог защитить Чан Сяоцю.

Но что-то пошло не так. Чан Сяохан оказался крепким, и, хотя яд подействовал, он всё же смог вырваться и спасти мальчика.

Лян Шу пришёл к тому же выводу.

Значит, Лю Сяньань не был полным бездельником. У него определённо была голова на плечах. Но если так, почему в слухах его называли «красивым дурачком»?

Если бы Лян Шу строил догадки, исходя из своего двадцатилетнего опыта выживания, он бы сказал, что это была намеренная слабость — притворяться глупым, чтобы выжить в большой семье.

Но на самом деле в Деревне Белого Лотоса царила гармония. Все занимались своими делами, и интриг там не было. Если бы кто-то спросил второго молодого господина Лю, слышал ли он о своей репутации, он бы ответил, что кое-что до него доходило. Но он уже наполовину вышел за пределы мирской суеты, странствуя под солнцем и ветром, ища абсолютную свободу духа. Разве могли его задеть жалкие слухи обывателей?

Так что ему было всё равно. Абсолютно всё равно.

Но Лян Шу не понимал его состояния — по крайней мере, пока.

Он посмотрел на Лю Сяньаня и вдруг спросил:

— Молодой господин Лю упоминал этого господина перед своей младшей сестрой?

Услышав это, Лю Сяньань невольно выпрямился. Он не забыл о своей миссии — тихо похоронить эти свадебные планы.

Её бесконечные причитания, конечно, были упомянуты. Лю Сяньань не знал, что его светлость

подслушал весь план с прыжком в озеро в чайном доме, поэтому без всяких угрызений совести солгал:

— Нет. А-Юань от природы скромна и застенчива, обычно говорит мало. Мои родители часто страдают от её скучного характера. Кстати, а какой человек нравится принцу?

— Характер не важен. — ответил Лян Шу — Главное, чтобы была красивой.

Лю Сяньань слегка замер. Он рассчитывал сыграть на личности сестры, но не ожидал, что требования принца окажутся настолько прямолинейными и поверхностными. Никакой глубины. «Главное — красота»... Это не оставляло ему пространства для манёвра.

Он задумался на мгновение и продолжил проверять гипотезу:

— А если она красива, но с ужасным характером, и, когда недовольна, устраивает сцены, швыряет чашки и тарелки, доводя всю семью до отчаяния? Или, скажем, пытается покончить с собой? Это тоже подойдёт?

— Конечно, — Лян Шу проявил невиданное доселе терпение. — Если будет плакать — стану утешать. Если побьёт посуду — куплю новую. А если красавица решит умереть... что ж, тогда и мне останется лишь последовать за ней. Умереть под цветами пиона — даже призрак будет романтичным.

«.....»

Лю Сяньань внимательно посмотрел на Лян Шу, пытаясь найти в его выражении лица хоть намёк на шутку, но не нашёл. Его светлость не любил притворяться перед шпионами двора, но перед вторым молодым господином Лю — совсем наоборот. Ещё даже не начав представление, он уже вошёл во вкус.

Вдали генерал Гао вздохнул.

Хотя Лю Сяньань давно пребывал в состоянии равнодушия к жизни и смерти, это было следствием взгляда свысока — с высот Небесного Дао. Совсем не то, что «призрак будет романтичным» от Лян Шу. Они принадлежали к двум разным школам безразличия.

Однако его светлость никак не походил на ловеласа, поэтому Лю Сяньань вначале даже слегка удивился. Но, подумав, решил: если одни умирают за выгоду, другие — за славу, третьи — за семью и страну, то почему бы кому-то не отдать жизнь за романтику? А раз так, почему этим «кем-то» не может быть Лян Шу?

С этой мыслью Лю Сяньань слегка кивнул и смирился с тем, что первый командующий Даяня в любой момент может рвануть на смерть во имя любви. Впрочем, если принц так одержим

красотой, прежний метод не работает. Его сестра и вправду прекрасна, так что придётся менять тактику.

Ни одна из этих мыслей не отразилась на его лице. Лян Шу повидал немало людей, среди которых хватало и тех, кто оставался спокоен, даже если гора Тайшань рушилась у них перед носом. Но невозмутимость Лю Сяньяня нельзя было отнести к этой категории. Он был иным. Точнее, он словно пребывал в другом пространстве.

Незаметная, но непреодолимая преграда надёжно изолировала его от остального мира.

И Лян Шу первым это заметил.

Так у его светлости появился новый интерес — найти способ разрушить эту преграду.

А зачем её разрушать и что делать потом — это его уже не волновало. Примерно так и рождаются проблемы на пустом месте.

Обеспокоенный Гао Линь, вскоре подошёл прервать их беседу:

— Похоже, эти наёмники не знакомы с бандитами с горы Фуху.

Лян Шу бросил на него холодный взгляд:

— После стольких допросов это всё, что ты выяснил?

Гао Линь: «.....»

Гао Линь: — Нет, есть ещё кое-что.

Лян Шу отошёл под другое дерево:

— Говори.

Гао Линь начал докладывать, но не удержался и взглянул назад. Лю Сяньянь снова закутался в одеяло, обхватив колени, и смотрел на тёмное небо. Хотя в его глазах отражались языки пламени, почему-то они всё равно казались бездонно холодными и тихими.

Он тоже уловил в нём лёгкое отчуждение, но не заметил преграды. Зато с другой стороны нашёл правдоподобное объяснение подобным действиям. Что ещё оставалось делать бедному молодому господину, если принц действовал на нервы?

<http://bllate.org/book/14628/1297848>